
Сладкая магия
и осколки
сердца
Лоес Моррен

Лоес Моррен

Сладкая магия и осколки сердца

«Автор»
2026

Моррен Л.

Сладкая магия и осколки сердца / Л. Моррен — «Автор», 2026

На балу в память о графе Нину выдаёт шрам, которого у неё нет.Под именем Эвелины Дорс она приехала в Лирен за записями, способными спасти её от костра. Но один из гостей когда-то сам перевязывал Эвелине обожжённую ладонь. Теперь он ждёт объяснений у фонтана, а Нина спускается к нему с двумя бокалами. В одном из них - зелье забвения.Чтобы сохранить поместье, оставленное ей Теодором, Нина открывает пекарню. За ржаным хлебом выстраивается очередь, а слухи о булочках, после которых спится крепче, приводят к её печи инквизитора и городского проверяющего Адриана. На следующий день Адриан возвращается сам, покупает две булочки и зовёт её на ярмарку. Рядом с ним Нина впервые после смерти Теодора ловит себя на том, что ждёт завтрашнего дня ради себя.Только как рассказать Адриану, чьё имя она носит и что сделала, чтобы его сохранить? Особенно теперь, когда человек, забывший вечер у фонтана, начинает задавать вопросы.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
Сладкая магия и осколки сердца

Глава 1

— Наконец-то вы нашлись, госпожа. Ваша семья ждёт объяснений уже двенадцать лет. Полагаю, несколько минут в приёмной после такого срока никому не повредят, — сказал человек в тёмном плаще и протянул мне руку, будто мы только что встретились на пороге после долгой, но вполне обычной поездки.

Я позволила ему взять меня под локоть и едва не поблагодарила за то, что он не назвал меня по имени. Собственное я ещё могла бы произнести без запинки, а чужое, только что сказанное у ворот, всё ещё саднило во рту. За спиной Брен кашлянул, и я обернулась раньше, чем вспомнила, что женщина, приехавшая домой, вряд ли стала бы искать глазами своего конюха с таким отчаянием.

Двое мальчишек в одинаковых куртках подошли к экипажу и потянулись к поводьям. Брен велел одному сперва отвести лошадь в сторону от каменной тумбы, а второму — снять с козел дорожную сумку, не переворачивая её. Потом посмотрел на меня и коротко кивнул, как кивал дома, когда я оставляла ему ключи от кладовой и не могла удержаться от последнего напоминания.

— Моего человека зовут Брен, — сказала я, заметив, что мужчина собирается продолжить путь. — Он знает, как обращаться с лошадью, и я хотела бы, чтобы у него была возможность самому проверить стойло. Если вам понадобятся сведения о дороге, я предпочту отвечать за себя, а ему дайте сначала снять мокрые сапоги.

Представитель взглянул на мои собственные башмаки, покрытые грязью до щиколоток, и распорядился отвести Брена к конюшне. Сам он представился Лораном Дорсом, двоюродным братом Эвелины, и задержался, давая мне возможность отозваться на родство. Я сказала, что помню его имя по письмам Теодора, хотя имя это видела только на обороте одного из листков в футляре, и он с лёгким удивлением убрал руку с моего локтя.

По обе стороны от крыльца тянулась низкая каменная ограда с тёмными металлическими шипами. За ней виднелись сад и крыша небольшого павильона, а дальше, уже за стеной резиденции, зажигались окна городских домов. Я подумала, что оттуда до канцелярии Северина можно добраться пешком, и невольно ускорила шаг, словно одна лишняя ступенька могла увеличить расстояние между нами.

В приёмной пахло мокрой шерстью и горькой апельсиновой кожурой, которую сушили возле печи. За столом сидел писарь, совсем молодой, с пятном чернил на белой манжете. Он приподнялся, чтобы поклониться Лорану, и сел, не отрывая взгляда от листа, на котором моё появление уже успело стать делом с датой и номером.

— Откуда вы ехали, госпожа? — спросил Лоран, помогая мне снять плащ. — У ворот вы просили о защите, а такие просьбы мы обязаны рассматривать вместе с обстоятельствами дороги. Если кто-то вас преследует, лучше сказать сейчас, пока вашим экипажем занимаются только конюхи.

Я назвала развилку, через которую мы проехали после выезда из поместья, и постоялый двор, где Брен поил лошадь. Ни на дворе, ни на развилке нас никто не остановил, и эту часть я могла рассказать с такой точностью, что писарь переспросил название трактира. О том, откуда приехала в усадьбу сама Эвелина, я благоразумно не заговорила, зато попросила не посылать за вещами никого, кроме Брена.

— «На дороге меня никто не остановил», — прочёл писарь, водя кончиком пера над строкой. — Мне записать, что угрозы не было? Обычно мы уточняем это сразу, чтобы потом в журнале не появились две разные версии одного ответа.

Я попросила записать именно то, что сказала, и он поправил лист, чтобы Лоран мог увидеть каждое слово. Ничего хитрого в его вопросе не было, но от того, как легко моя фраза могла превратиться в другую, мне стало холодно даже возле печи. В прежней жизни я уже сидела напротив человека, который из моего «я не видела документов» сумел сделать «у меня не было возражений».

— Вы довольно скоро научились беречь свои слова, — заметил Лоран, и я не поняла, счёл ли он это похвалой. — Хотелось бы знать, чему мы обязаны вашим возвращением именно сегодня. Грамота давняя, и для временного допуска мне понадобится ещё удостоверение подданства, если оно у вас сохранилось.

Я расстегнула внутренний карман плаща, лежавшего у меня на коленях, и нащупала плотный угол сложенной бумаги. В футляре Эвелины эти документы лежали рядом, и дома мне казалось, что стоит достать их один за другим — и мне дадут хотя бы сесть и согреться. Теперь я уже сидела возле огня и отлично понимала, что самая опасная часть разговора начинается именно потому, что бумаги настоящие.

Лоран принял удостоверение обеими руками и передал его человеку с тяжёлой связкой ключей, которого позвали из соседней комнаты. Тот развернул лист на столе, подставил лампу и предложил мне назвать год рождения, пока надпись закрыта его ладонью. Я назвала год, мысленно увидев строку в футляре, и с неожиданной обидой подумала, что день собственного рождения мне здесь ни разу не пригодился.

Второй вопрос касался места выдачи, и на него я ответила после короткой паузы, будто вспоминала название города, где давно не бывала. Служащий сравнил ответ с записью и принялся разглядывать края печати. Писарь опять поднёс перо к листу, но я попросила оставить за нами возможность поговорить о годах отсутствия без посторонних, пока не стало ясно, какие сведения вообще относятся к проверке.

— Можете сказать мне, если дело касается семьи, — ответил Лоран и отослал писаря за чаем. — Ссоры переживают и более долгую разлуку, а у нас есть родственники, которые до сих пор разговаривают через поверенных из-за места на кладбище. Я бы предпочёл узнать от вас, кого вы опасаетесь увидеть в этом доме.

Мне очень хотелось ответить, что опасаюсь всех, кто когда-либо держал Эвелину за руку, сидел с ней за столом или помнил, как она заправляла волосы за ухо. Вместо этого я сложила ладони поверх сумочки и сказала, что граф Теодор Вальден умер. До этой минуты я готовилась произнести новость для чужих людей и была уверена, что теперь она прозвучит ровно, но на слове «умер» голос всё равно сломался.

Лоран убрал руку со спинки стула и спросил, когда это произошло. Я назвала день, вспомнила Ардена, который остался при нас после тяжёлой ночи, и объяснила, где искать запись о погребении. Потом зачем-то добавила, что к полудню Теодор пришёл в себя и захотел поговорить о входе во флигель, хотя поверить мне могли и без этой подробности.

— Он собирался принимать больных со стороны сада, — сказала я, чтобы закончить мысль, раз уж начала. — Сухой порог, две комнаты и скамья для тех, кто не может долго стоять. Мы никак не могли решить, куда поставить шкаф для белья, и я, кажется, до сих пор жду, что он предложит ещё одно место.

Человек с ключами перестал вертеть удостоверение и положил его на стол, заслонив пальцами печать. Лоран попросил его отметить дату и послать за подтверждением в канцелярию прихода, но на этот раз говорил мягче. Затем достал из кармана платок, положил рядом с моей рукой и не стал делать вид, что я обязана тут же им воспользоваться.

— Теодора здесь помнят, — сказал он, когда я смогла на него посмотреть. — В своё время он помог семье вернуть несколько ящиков вещей, оставшихся по эту сторону границы, и ни разу не потребовал благодарности. Я распоряжусь, чтобы сегодня его помянули, а до окончания проверки вы сможете пользоваться комнатой в западном крыле.

Удостоверение и грамоту мне вернули под расписку, на которой значился срок до повторной беседы, а ниже — правила выхода за ворота. Брену отвели койку при конюшне и обещали пропуск во внутренний двор, чтобы я могла видеть его без особого разрешения. Я перечитала всё дважды, обнаружила, что от меня пока требуется лишь сообщать, куда я выхожу, и наконец отпустила край стула, в который успела вцепиться.

У двери я спросила, может ли резиденция обратиться в лечебницу Святой Ирисы. Лоран остановился и внимательно посмотрел на меня, потому что я заговорила слишком быстро для человека, который только что просил оставить его в покое. Я объяснила, что речь идёт о записях Гирта Холлена, бывшего пациента лечебницы, и что Теодор хотел узнать, в каком состоянии этот человек покинул Лирен.

— Для начала можно спросить, сохранилась ли запись и кто вправе получить выписку, — ответил Лоран, обдумав просьбу. — Семейная почта уходит завтра, и её ведёт госпожа Летта, которую вы увидите за ужином. Поговорите с ней сами, если у вас хватит сил спуститься, а я передам ей имя больного и попрошу приготовить лист для запроса.

Только в отведённой мне комнате я сообразила, что Лоран назвал предстоящее собрание ужином, а говорили мы о поминках. На постели уже лежало сложенное платье, и служанка объяснила, что его одолжила одна из женщин дома, заметив, как мало у меня вещей. Я потрогала тёмно-зелёную ткань, плотную и прохладную, и подумала, что ради одного листа из лечебницы мне придётся провести вечер среди людей, каждый из которых вправе спросить, помню ли я его.

Платье оказалось впору в плечах, зато на талии его пришлось стянуть лентой, а подол поднять на два стежка. Служанка принесла иголку и предложила сделать всё сама, но я попросила оставить работу мне, потому что давно ничего не делала руками без того, чтобы кто-нибудь наблюдал. Пока она грела воду, я подшила ткань изнутри и с трудом удержалась от привычки прикинуть, сколько стоило бы такое платье вместе с переделкой.

Из зеркала на меня смотрела женщина, которую в сумерках можно было принять за хозяйку собственной жизни. Я подняла волосы, потом распустила их, так и не решив, что носила Эвелина и насколько опасно это угадывать. В конце концов попросила служанку просто сколоть пряди у затылка, чтобы они не падали в бокал, и та впервые за всё время засмеялась.

— Вот и госпожа Летта говорит, что за вечер приличия успевают надоесть, а волосы в вине остаются до конца, — сказала она, выбирая две простые шпильки. — Вам её искать у малого стола, там обычно лежат карточки с именами гостей. Если увидите женщину, которая одним взглядом может вернуть слугу на кухню за забытым блюдом, это она.

Я поблагодарила её, спрятала письмо Теодора во внутренний карман дорожной сумки и оставила сумку возле кресла. Мне не хотелось брать его с собой туда, где о нём собирались говорить по правилам хорошего тона. У лестницы я ненадолго остановилась, послушала, как внизу пробуют струны, и только потом спустилась, подбирая подол на поворотах.

У дверей зала Лоран представил меня нескольким гостям и попросил отнестись с пониманием к тому, что я устала с дороги. Дама с жемчужными застёжками взяла меня за руку и сказала, что граф был редким человеком, у которого даже просить взаймы можно было без унижения. Я не знала, просила ли она сама, но улыбнулась, потому что легко могла представить, как Теодор отодвигает от неё счётную книгу и предлагает сперва выпить чаю.

На каминной полке поставили свечу, а рядом лежала ветка белых роз. Лоран произнёс короткий тост, назвал Теодора другом дома и напомнил о его помощи в годы, когда дорога к границе неделями стояла закрытой. Я выпила один глоток и обнаружила, что слушала, ожидая

услышать что-нибудь ещё, хотя о его голосе, привычках и последней весне здесь никто не мог сказать за меня.

Сразу после тоста заиграли музыканты, слуги подали горячие пироги, и гости расступились перед первой парой. У камина уже спорили о цене земли возле нового моста, а дама с жемчугом объясняла соседке, почему её племяннице лучше отдать в приданое городской дом. Я оставила бокал на подносе и собралась выйти, пока ещё могла спокойно пройти через зал и ни с кем не столкнуться.

— Летта, завтра я передам вам письмо к сестре, — сказала за моей спиной та самая дама. — Только пусть его опять не отправят через западную заставу, там с пакетов срезают обвязку, и она получила мои выкройки без половины пометок. Если придётся платить за отдельного посыльного, пришлите счёт мужу, он всё равно считает, что мы слишком редко пишем друг другу.

Я повернулась и увидела женщину с гладко зачёсанными седыми волосами, которая проверяла карточки у малого стола. Она выслушала просьбу, переставила одну карточку и тихо сказала служанке, что человеку с больной ногой лучше сидеть ближе к двери, а не напротив старшего по чину. Когда та ушла, я подошла и назвала Гирта Холлена, решив, что лучшего случая уже не будет.

— Лоран предупредил меня, что вы хотите справиться о пациенте, — сказала госпожа Летта и перевернула одну из карточек чистой стороной вверх. — Напишите имя сами, чтобы мы не сделали ошибку в первой же строке, и утром я покажу вам, что отправлю. А если из лечебницы ответят, что нужна доверенность, дальше поговорите с поверенной, у нас для такой переписки есть установленный порядок.

Я написала имя, сверилась с памятью и добавила, что больной уехал до того, как его доставили к травнице Маре Вейль. Летта прочла обе строки и спросила, уверена ли я, что лечебница носит имя Святой Ирисы, потому что в горах есть обитель с тем же посвящением. Я сказала, что уверена, и она сложила карточку так, чтобы написанное оказалось внутри, пообещав встретить меня утром в комнате для переписки.

Между нами тут же вклинился человек с жалобой на чужую карточку, и я отступила к столу с вином, чтобы дать им поговорить. Свеча возле роз ещё горела, хотя в танце уже успели смениться три пары. Я решила, что теперь могу уйти, но, едва протянула руку за салфеткой, мужчина по другую сторону стола перестал слушать собеседника и посмотрел прямо на мою раскрытую ладонь.

Первым я заметила его перстень, широкий, с тусклым камнем, который он медленно поворачивал на пальце. Сам мужчина был грузный, с тяжёлыми щеками, редкими бровями и лицом, на котором даже приветливая улыбка выглядела привычкой, выученной ради дела. Он поклонился собеседнику, извинился за то, что оставляет его посреди фразы, и шагнул ко мне так ловко, что я не успела подобрать салфетку.

— Гаспар Ренн, если за двенадцать лет я успел измениться, — произнёс он, подавая мне её сам. — Мне говорили, что вы вернулись, но я решил дождаться, пока освобожусь от любопытных слушателей. Позволите выразить соболезнования по поводу Теодора, с которым я, к сожалению, так и не договорился об одном давнем деле?

Я поблагодарила его и сказала, что сегодня у меня уже было больше разговоров о графе, чем я могла выдержать. Он принял ответ с лёгким наклоном головы и предложил отойти от стола, чтобы слуги могли переставить кувшины. Я сделала полшага следом, а он развернулся так, чтобы нас закрыла от зала широкая каменная колонна, и попросил показать левую руку.

— Простите, я не поняла, — сказала я, сжав салфетку. — Если вы хотите узнать, есть ли у меня кольцо, можете спросить об этом словами. После такого дня мне бы хотелось хотя бы самой решать, кому давать руку.

Он не потянулся ко мне и даже чуть отодвинулся, уступив место женщине, которая подошла за вином. Мы переждали, пока она выберет бокал, поблагодарит слугу и вернётся к танцующим. Тогда Гаспар заговорил снова, сохранив тот же учтивый тон, каким только что просил разрешения выразить соболезнования.

— На левой ладони Эвелины был ожог, — сказал он, опустив взгляд на мою руку. — Я сам её перевязал и помню, что след должен был идти от основания большого пальца к середине ладони. Когда вы потянулись за салфеткой, я увидел всю руку, и теперь мне очень хочется узнать, отчего кожа на ней такая гладкая.

Мне сразу пришло в голову сослаться на лекаря, но я не знала, что здесь считают возможным лечением и давно ли существовал ожог. Ещё можно было возмутиться, позвать Лорана и заставить Гаспара объяснять при гостях, почему он так хорошо помнит чужую ладонь. Эта мысль продержалась до тех пор, пока я не увидела его взгляд и не поняла, что он уже предусмотрел подобный разговор.

— Вы уверены, что видели именно её руку? — спросила я и тут же услышала собственную ошибку. — В зале свечи, кругом люди, а вы запомнили случай двенадцатилетней давности. Я бы на вашем месте прежде убедилась, что не причиняю неприятность человеку по ошибке.

— Именно поэтому я пока обращаюсь к вам, — ответил он и положил ладонь на край стола, перестав вертеть перстень. — Если память мне изменяет, вы назовёте хотя бы место, где это случилось, и мы оба сможем вернуться к ужину. Если вам нужно, чтобы я назвал его первым, лучше сразу позвать Лорана, он тоже захочет услышать ваш ответ.

У дальнего окна Летта беседовала с дамой в жемчугах, а сложенная карточка уже исчезла со стола. Я успела представить, как Лоран просит вернуть выданный мне пропуск, как писарь дописывает к моим показаниям ещё несколько строк и как запрос остаётся лежать до выяснения личности. Хуже всего было то, что Гаспару не требовалось доказывать подмену этой ночью, ему хватило бы заронить сомнение у людей, которые и так собирались меня проверять.

— Прогуляемся по саду, — предложил он, взяв со стола свой бокал. — Там я спрошу только о том, что касается меня, и у вас будет возможность ответить без зрителей. Если вы уйдёте к себе и решите, что разговор окончен, я обращусь к представителю семьи прежде, чем гости разъедутся.

Я посмотрела на его бокал, на тёмное вино, оставившее узкую полосу на стекле, и неожиданно вспомнила, как пахло в кладовой Мары после того, как оттуда выносили настои. Воспоминание было короткое, почти без цвета, и я могла бы отмахнуться от него, если бы ладонь сама не сжалась так, будто в ней уже находилось горлышко маленькой склянки. Гаспар принял моё молчание за нерешительность и подождал, придерживая бокал у самого края стола.

— Хорошо, я выйду в сад, — сказала я, глядя на него, пока голос не перестал дрожать. — Дайте мне четверть часа, чтобы взять накидку и предупредить, что я ушла с вечера. Ждите у фонтана, его видно от крыльца, и мне не придётся спрашивать дорогу у каждого встречного.

Он оглянулся на часы возле камина, поставил недопитый бокал на поднос и согласился. Мне показалось, что он хотел добавить ещё что-то, но мимо прошли двое гостей, и Гаспар отступил, пропуская их к столу. Я успела уйти прежде, чем он передумал, и на ходу вытерла ладонь салфеткой, которая так и осталась у меня в руке.

У лестницы стоял слуга с охапкой женских накидок, и я сказала, что поднимусь за своей. Он предложил принести её, если я назову номер комнаты, и пришлось улыбнуться и объяснить, что заодно хочу поменять башмаки. Слуга отошёл, а я посмотрела на подол у щиколотки и подумала, что даже для нескольких шагов до спальни мне теперь требовалась маленькая ложь с правдоподобной подробностью.

Проще всего было спуститься обратно и позвать Лорана самой. Я могла сказать ему, что бумаги подлинные, что Теодор хранил их до смерти и что я взяла их, потому что иначе не получила бы времени защититься. Если бы он выслушал меня, потом пришлось бы просить

его передать те же сведения в канцелярию, где Северин ещё вчера мог потребовать вернуть меня под стражу.

На площадке открывалось узкое окно во внутренний двор, и я увидела свет над конюшней. Брен наверняка ещё не лёг и сумел бы вывести меня к экипажу, если бы я сказала, что у нас больше нет времени. Только пропуск уже был записан на его имя, лошадь стояла в чужом стойле, а за воротами знали, в какую сторону мы приехали, потому что я сама только что перечислила все места.

Я представила другой разговор, в котором просила Брена задержать Гаспара, увезти его со двора или хотя бы заставить подождать до утра. Он бы спросил, сколько ему нужно выиграть времени и что я собираюсь делать потом. У меня не было ответа даже для себя, а посылать его к человеку, которого он впервые увидит у фонтана, означало дать ему очередное поручение с условиями, о которых он узнает последним.

В кармане оставалась расписка, выданная Лораном, и я достала её, чтобы перечитать имя госпожи Летты на приписке внизу. Можно было дождаться утра, встретить её у дверей комнаты для переписки и проследить, чтобы имя Гирта попало в письмо. Но до утра оставалась целая ночь, а у Гаспара были четверть часа, два свидетеля у стола с вином и право в любую минуту подойти к своему знакомому.

Я подумала о Марте, которой понадобилось бы меньше минуты, чтобы задать мне первый разумный вопрос. Она спросила бы, чего именно Гаспар хочет и почему предпочёл сад разговору при представителе семьи. Ответа я не знала, а письмо к Марте не успело бы пройти даже через ворота прежде, чем мне самой следовало спуститься вниз.

В комнате горела одна лампа, оставленная возле зеркала, а над тазом сушилось влажное полотенце. Я закрыла дверь, повернула ключ и только после этого заметила, что по-прежнему держу салфетку, теперь уже измятую и мокрую от пота. Положила её на стол рядом с чистым платком Лорана и впервые за вечер увидела обе руки сразу, обыкновенные руки без шрама, который мог решить мою судьбу.

Дорожная сумка стояла там, где я её оставила, и под крышкой лежало письмо Теодора, прижатое свёрнутой рубашкой. Я отодвинула рубашку и достала маленький полотняный мешочек со склянками, которые брала на случай болезни в дороге. Несколько из них я давно научилась узнавать на ощупь, а одну, с гладкой узкой пробкой, всё время переставляла подальше, когда разбирала припасы.

Я выставила её на стол и сразу вспомнила, почему однажды не смогла выбросить, хотя собиралась. В памяти Мары была комната, где человек после нескольких глотков перестал понимать, о чём только что говорил, и принял знакомую дверь за чужую. Я не видела его лица и не знала, кто дал ему пить, зато узнала неприятное ощущение, с каким сама когда-то отложила эту склянку на дальнюю полку.

Внизу музыканты закончили танец, и на несколько мгновений стало слышно, как в саду бьёт вода. Я достала из мешочка ещё два пузырька и поставила рядом, не снимая пробок. Руки знали, что должно было случиться дальше, а у меня оставалось несколько минут, чтобы решить, позволю ли я им это сделать.

Глава 2

Я сняла пробку с первой склянки и услышала, как внизу опять заиграли музыканты. Значит, пока я сидела перед тремя пузырьками, гости успели отдышаться и выбрать себе пару на следующий танец. Весь мой запас времени можно было измерить музыкой, которая доносилась сюда сквозь пол, и я поймала себя на том, что надеюсь услышать особенно длинную мелодию.

От склянки пахло холодной золой, хотя внутри лежало что-то прозрачное и неподвижное. Запах я узнала раньше, чем вспомнила комнату с низким потолком, стол в пятнах и мужчину, сидевшего боком к двери. Он держал кружку обеими руками и с неподдельным удивлением спрашивал, кто переставил выход, хотя дверь была у него перед глазами.

На этом воспоминание могло бы кончиться, но за ним пришло другое, более тихое. Тот же мужчина стоял у открытого окна при дневном свете и помнил имя своего сына, дорогу домой и цену сломанного колеса, которое собирался чинить. Только о разговоре накануне он спрашивал снова и снова, словно был уверен, что собеседник из упрямства отказывается повторить услышанное.

Мне хотелось узнать, о чём был тот разговор, и ещё сильнее хотелось увидеть, кто подал ему кружку. Память Мары не показывала лица женщины за столом, зато я чувствовала, как она стиснула пальцы, услышав вопрос в третий раз. Теперь мои пальцы сжимали пробку точно так же, и это сходство испугало меня больше, чем знакомый запах.

Я придвинула лампу и посмотрела на письмо Теодора, оставшееся под краем рубашки. Мне пришло в голову взять его с собой и показать Гаспару, чтобы он увидел, каким почерком граф писал в последние дни, и поверил хотя бы в нашу близость. Но для этого пришлось бы отдать в чужие руки то единственное, чего Теодор не предназначал ни семье Дорс, ни суду, и я опустила крышку сумки.

Оставалось поговорить с Гаспаром и надеяться, что он согласится хранить тайну, которую уже начал разгадывать. Я знала о нём только то, что он помнил ожог на чужой ладони и умел угрожать так тихо, что никто рядом не поворачивал головы. Отдать ему грамоту значило лишиться защиты, а рассказать о Гирте значило дать ему ещё одно имя, которое можно будет вписать в донесение.

В пузырьках хранились вытяжки из растений, которым я поначалу даже не умела подобрать названий. Я различала их по блику и по тому, как менялся цвет, если склянку поднести к огню. Теперь память Мары собрала эти приметы в знакомую последовательность, и я увидела над чашкой на мгновение замкнувшийся ободок света, похожий на кольцо от зимней луны.

Когда свет погас, на дне осталась капля с таким же безобидным блеском, как у простой воды. Мне хотелось верить, что она отнимет у Гаспара только то мгновение, когда он заметил ладонь, но в памяти Мары человек потерял гораздо больше одного мгновения. Я могла выбрать, дам ли ему выпить, и понятия не имела, где кончится действие моего выбора.

В коридоре стоял узкий столик с кувшином и запасными бокалами, оставленными для гостей западного крыла. Я принесла два в комнату, налила вина, а потом едва не перепутала их, потому что переставила лампу и потеряла из виду первый. Тогда я обвязала ножку своего бокала ниткой, оставшейся после подшивки платья, и только после этого наклонила чашку с зельем над вторым.

Я взяла оба бокала, дошла до двери и вернулась, чтобы поставить их на стол. Решила, что спущусь с пустыми руками, а если Гаспар позовёт Лорана, скажу всё сама, пока они не успели решить за меня. Затем представила, как писарь в приёмной выводит на чистом листе имя Мары Вейль, и снова подхватила бокалы, уже сердясь на собственные руки за то, что они держат их так уверенно.

Во второй раз я поставила вино, когда снизу донёсся мужской смех и мне на мгновение почудилось, что это Теодор. Он смеялся совсем иначе, и я прекрасно это знала, но всё равно постояла у стола, ожидая, пока пройдёт дурацкое желание оглянуться. Потом взяла бокалы в третий раз, погасила лампу и вышла, пока не начала искать ещё одно оправдание тому, что собиралась сделать.

До сада я добралась через боковую дверь, где слуги держали наготове зонты и щётки для обуви. Камень под ногами был влажным, и я шла медленно, придерживая бокалы у груди, словно только боялась пролить дорогое вино. Когда за живой изгородью показался фонтан, на его краю уже сидел Гаспар и сбивал носком башмака лист, прилипший к дорожке.

Он встал при моём приближении, отряхнул перчатку о колено и оглянулся на освещённые окна. Я успела заметить, что отсюда видна часть лестницы западного крыла, а из зала можно разглядеть только верхушку фонтана. На дорожке мы казались одни, но я не знала, сколько окон выходило в сад за тёмными кронами.

— Вы принесли вино, — сказал Гаспар, как будто это было самым неожиданным моим поступком за вечер. — Я полагал, вы явитесь с Лораном или пошлёте слугу передать, что у вас болит голова. Скажите сразу, где Эвелина, и я смогу предложить вам сесть, не притворяясь, что мы вышли любоваться садом.

Я поставила бокалы на каменный край и села сама, потому что стоя мне труднее было удержать голос ровным. Вода падала в чашу с таким шумом, что я могла говорить без шёпота, если Гаспар подойдёт ближе. Он остался на дорожке и ждал ответа, не касаясь вина.

Он подошёл и положил перчатки на камень между нами, будто обозначил границу, через которую нам обоим следовало перейти по очереди. Сказал, что видел руку без шрама и охранную грамоту, которую привратник держал так бережно, как держат подлинную вещь. Затем спросил, много ли я заплатила Теодору, и добавил, что задаёт этот вопрос лишь потому, что заранее знает ответ.

— Он бы её не продал, даже если бы заложил последний клочок земли, — продолжал Гаспар, не глядя на меня. — И если вы сейчас начнёте уверять, что нашли грамоту на дороге, я всё равно пойму, что вас кто-то послал. Хотелось бы знать, кто настолько хорошо изучил наши дела, что сумел отыскать бумаги, о которых мы сами давно перестали спрашивать.

Я услышала в его голосе почти ту же боль, которую сама испытывала, когда в зале говорили о графе, а потом перешли к приданому. От этого стало труднее держаться за мысль, будто передо мной всего лишь сытый человек, которому захотелось развлечься чужой бедой. Я ответила, что Теодор ничего не продавал и до конца жизни хранил вещи Эвелины так, как хранят то, за чем однажды могут вернуться.

Гаспар повернулся ко мне всем телом, и я поняла, что сказала больше, чем собиралась. Он спросил, видела ли я футляр, и в ту же секунду поправился, будто хотел сделать вид, что слово вырвалось случайно. Я вспомнила записку Теодора о возвращении вещей семье и впервые подумала, что с этим человеком, возможно, можно было бы договориться, если бы я пришла в сад с пустыми руками.

— Вы знали о футляре, — сказала я и посмотрела, как вода стекает по каменному желобу. — Значит, вам было известно, что у неё остались вещи в поместье, но вы двенадцать лет за ними не приезжали. Почему теперь вы спрашиваете меня так, будто я последняя, кто может сказать вам правду?

Он провёл ладонью по лицу, и на миг с него сошла та учтивость, с которой он только что поклонился мне у винного стола. Потом ответил, что иногда люди оставляют вещи там, где хотят однажды снова оказаться, и забирать их раньше срока кажется предательством. Я не знала, говорил ли он об Эвелине или о собственном ожидании, но мне уже не хотелось задавать следующий вопрос.

Я предложила выпить за Теодора и подняла бокал, вокруг ножки которого едва виднелась нитка. Гаспар помедлил, словно решал, не пытаюсь ли я купить ещё несколько секунд, затем взял оставшийся и произнёс имя графа. Я коснулась своего вина губами, а он сделал несколько глотков и поставил бокал так близко к краю, что мне пришлось его подхватить.

— Вы сказали, что он хранил… — начал Гаспар и нахмурился, будто я перебила его посреди фразы. — Простите, о чём мы говорили? Я вижу, что вы ждёте от меня ответа, но, кажется, я даже не спросил, как вас зовут.

Я могла бы сказать своё имя и посмотреть, что он запомнит к утру, но мне впервые за вечер стало страшно произнести любое из них. Гаспар оглядел фонтан, посмотрел на свои перчатки и спросил, чей это сад. Он произнёс вопрос обыденным тоном человека, у которого есть полное право знать, где он оказался, а я стояла перед ним с двумя бокалами и понимала, что сама отняла у него ответ.

Гаспар решил, что экипаж ждёт за кустами, и направился прямо через клумбу, хотя дорожка огибала её слева. Он поставил ногу на рыхлую землю, и край его тяжёлого плаща зацепился за низкую ограду. Я опустила бокалы на край фонтана, схватила его за рукав и позвала на помощь прежде, чем он потянулся освободиться и окончательно потерял равновесие.

Первым прибежал парень с кухонным полотенцем на плече, за ним показался слуга, который прежде предлагал принести мне накидку. Они подхватили Гаспара с обеих сторон и вывели на камень, а тот сердито попросил поставить его на землю, хотя уже стоял на ногах. Потом он вгляделся в лицо парня и спросил, не нанял ли его вчера вместо другого человека, имени которого сейчас почему-то не мог вспомнить.

— Господин Ренн, обопритесь на меня, мы сейчас отведём вас в тепло, — сказал старший слуга, придвигая его локоть к своему плечу. — Дорога скользкая, вы наверняка просто оступились. А если вы ищете своего человека, я пошлю за ним, он должен быть в людской возле кухни.

К дверям сада вышли трое гостей, и один с весёлой снисходительностью заметил, что хозяева нынче подают крепкое вино даже после поминального тоста. Женщина рядом велела ему замолчать и спросила меня, давно ли Гаспар был на воздухе. Я ответила, что встретила его у фонтана, где он внезапно перестал понимать, куда идти, и пока говорила, смотрела на пальцы слуги, побелевшие от усилия.

Я не сказала, что Гаспар напился, зато услышала, как эту версию повторили у меня за спиной и как кто-то уверенно подтвердил, что видел у него бокал ещё до танцев. Объяснение складывалось без моей помощи с такой лёгкостью, что от меня требовалось только не мешать. Я вспомнила, как боялась за Теодора всякий раз, когда чужой человек уверенно объяснял его слабость, не зная, что с ним происходит.

— Позовите лекаря, если ему станет хуже, — сказала я старшему слуге, когда Гаспара наконец усадили у боковой двери. — Он едва не упал и всё ещё путает людей, так что лучше не оставлять его одного. Не давайте ему больше вина, даже если он сам попросит.

— Хозяин обычно знает, когда пора остановиться, — возразил появившийся из дома мужчина в потёртой ливрее, и я поняла, что это человек Гаспара. — Впрочем, с каждым может случиться неловкость, особенно если он весь день ничего не ел. Я отвезу его домой и пришлю утром весть, чтобы господа не беспокоились.

Гаспар посмотрел на него с недоверием, но позволил застегнуть плащ и поднялся со стула, опираясь на знакомое плечо. У порога он поблагодарил меня за помощь и даже попытался поклониться, прежде чем его отвели к экипажу. Мне пришлось сделать шаг назад, потому что эту благодарность я перенесла хуже его вопросов у фонтана.

Возле калитки я услышала, как он спросил слугу, были ли у них на этот вечер назначены какие-нибудь дела. Тот ответил, что можно будет посмотреть в записной книжке, а сейчас лучше поберечь силы, потому что мостовая вся в рытвинах. Экипаж тронулся, и я ещё какое-

то время смотрела на погасший свет в дверце, соображая, что означал бы этот отъезд, если бы Гаспар так и не пришёл в себя.

Музыканты в зале, успевшие прерваться, начали ту же мелодию сначала, и кто-то захлопал в ладоши, возвращая танцующих на середину. Слуга собрал бокалы у фонтана, а мой, полный почти до края, оставил на подоконнике возле двери. Я забрала его оттуда, заметив нитку на ножке, и понесла наверх, придерживая второй рукой подол, чтобы не наступить на него в темноте.

У лестницы госпожа Летта спросила, не случилось ли в саду чего серьёзного. Я сказала, что Гаспара забрал его человек и до утра мы вряд ли узнаем больше. Она поправила лежавшие на сгибе руки карточки и попросила прийти к ней после первого колокола, потому что посыльный собирался уехать раньше обычного.

Таким образом у меня оставалась встреча, ради которой я всё и затеяла, и впервые за этот вечер я могла не торопиться. Я поднялась в комнату, поставила нетронутый бокал рядом со склянками и попыталась развязать нитку, пока ещё помнила, зачем она там. Узел затянулся от влаги, и я всё тянула за один конец, когда в дверь постучали так, как умел только Брен, двумя короткими ударами с длинной паузой между ними.

Брен вошёл, не снимая куртки, и сначала посмотрел на мои башмаки, чтобы понять, действительно ли я была в саду. Потом увидел бокал и три открытые склянки, которые я так и не успела убрать со стола. Он закрыл дверь за собой, не сказав ни слова, и в наступившей тишине я снова услышала музыку снизу, хотя прежде мне казалось, что в этой комнате её почти не слышно.

— Меня нашли у стойла и спросили, не вы ли гуляли с господином Ренном, — сказал он, оставаясь у двери. — Я ответил, что не знаю, и это было правдой, хотя человек, который спрашивал, явно надеялся на другой ответ. Теперь мне хотелось бы узнать, почему мне приходится объяснять, где я был, пока вас искали в саду.

Я попросила его сесть, но он качнул головой, и тогда пришлось говорить стоя, не пряча лица за лампой. Рассказала про ожог на ладони Эвелины, про обещание Гаспара пойти к Лорану и про четверть часа, которую сама у него выпросила. До этого места всё звучало так, будто меня действительно загнали в угол, а потом я посмотрела на склянки и сказала, что дала ему выпить зелье.

Брен не спросил сразу, какое именно, и я увидела, как медленно он снял перчатки, по одной стягивая их с пальцев. Потом поинтересовался, может ли Гаспар умереть, и я не смогла ответить так быстро, как мне хотелось. Я сказала, что помню человека, который после такого состава пришёл в себя, но не знаю, сколько времени понадобится Гаспару и какой вечер он будет считать последним.

— Вы помните одного человека, — повторил Брен, внимательно глядя на меня. — А если этот очнётся и не узнает сына, к кому вы пошлёте за помощью, пока нас обоих будут спрашивать, откуда взялось вино? Мне бы хотелось знать, успели ли вы задать себе хоть один из этих вопросов до того, как спустились в сад.

Я ответила, что думала о возможности признаться и о том, чтобы попросить его задержать Гаспара. Сказала, что времени на другое решение оставалось мало, и сразу поняла, какой удобной стала эта фраза теперь, когда решение уже было принято. Брен поставил перчатки на спинку стула, и одна соскользнула на пол, но ни он, ни я не наклонились её поднять.

— Мне бы хватило времени дойти до фонтана, если бы вы велели, — сказал он. — Я мог бы узнать, чего ему нужно, или хотя бы стоять рядом, пока вы с ним говорите. А теперь люди слышат от меня, что я ничего не знаю, и я выгляжу человеком, который либо врёт им, либо вообще не понимает, за кем приехал.

От последней фразы мне стало больнее, чем от вопроса о Гаспаровом сыне. Я уже собралась напомнить, что Брен сам согласился ехать со мной и знал, какие бумаги я покажу у ворот,

но он бы ответил, что именно поэтому заслуживал знать остальное. Мне пришлось сказать вслух, что у фонтана я рисковала и за него, хотя даже не дала ему возможности возразить.

Брен поднял перчатку, положил её на стол и спросил, что я буду делать утром. Я рассказала про отправку письма, а потом пообещала, что при первой дурной вести о Гаспаре пойду к лекарю и объясню, что было в бокале. Он выслушал меня до конца и попросил, чтобы в следующий раз я сперва нашла его, даже если смогу сказать только одно слово и показать, куда идти.

Уже у порога Брен вспомнил, что перед встречей с Гаспаром один из слуг бегал за чернилами в гостевые комнаты. Он слышал, как слуга сетовал, что господин Ренн поднялся к себе только за письменными принадлежностями и из-за такой мелочи приходится отвлекать людей от ужина. Брен не видел, что тот написал, но теперь счёл нужным сказать мне об этом, хотя прежде не обратил бы на такую жалобу внимания.

Я села, потому что ноги наконец перестали меня держать, и посмотрела на бокал. Гаспар мог записать имя Эвелины, указать, где видел меня, или послать кому-нибудь записку ещё до того, как я вошла в сад. Мне не пришло в голову спросить его, с кем он успел поделиться подозрением, и теперь он сам, возможно, не смог бы ответить на этот вопрос.

— Я останусь у конюшни, — сказал Брен, открывая дверь. — Если захотите узнать, ушло ли письмо, сперва дождитесь госпожи Летты, потому что поднимать весь дом раньше колокола сейчас ни к чему. А если вам просто станет страшно одной, пришлите за мной и скажите именно это, мне будет легче понять, зачем я иду.

Я кивнула и на этот раз дождалась, пока он увидит, что я услышала каждое слово. Когда шаги стихли, я вылила своё вино в пустой таз, собрала склянки и оставила на столе только бокал с ниткой. Потом легла поверх одеяла и до самого рассвета вспоминала не лицо Гаспара, а его голос, когда он спросил, чей это сад.

Колокол прозвонил, когда я сидела на краю кровати и пыталась распутать волосы, зацепившиеся за шпильку. За дверью уже ходили люди, и каждый раз, когда шаги замедлялись, я ждала вести из дома Гаспара. Наконец служанка принесла горячую воду и сказала, что внизу мне оставили записку, которая не похожа на приглашение к завтраку, потому что её велено передать лично.

Записку написал человек в потёртой ливрее, подписавшийся просто Ремом. Гаспар проснулся, узнал домашних и поел, но не мог вспомнить, зачем вечером выходил в сад и кто проводил его до двери. Рем уверял, что хозяин сердится на собственную слабость и просит никому не пересказывать подробности, а в самом низу приписал, что лекарь не нашёл причины оставаться при больном.

Я прочла записку ещё раз, задержавшись на слове «узнал», и только после этого заметила, как сильно сжимала бумагу. Теперь я могла бы сказать Брену, что Гаспар пришёл в себя, а себе — что всё кончилось благополучно. Но между этими двумя фразами оставался целый вечер, который один человек прожил, а другой за него вычеркнул, и никакая весть из дома уже не могла вернуть его на место.

Госпожа Летта ждала меня в комнате для переписки, где от нагретых солнцем стёкол пахло старым деревом и чернилами. Перед ней лежал лист с именем Гирта, а возле двери посыльный проверял ремешок на кожаной сумке. Лоран стоял у окна, перечитывая что-то в журнале, и поднял голову так спокойно, что я сразу заподозрила, будто он уже успел обо всём узнать.

— Мы спросим, сохранились ли записи и кому могут выдать заверенную выписку, — сказала Летта, протягивая мне лист. — Имя, которое вы написали на карточке, я сверила дважды. Если в лечебнице окажется несколько пациентов с такой фамилией, им поможет указанный здесь срок, а все прочие сведения они затребуют сами.

Я просмотрела лист и не нашла в нём ни имени Эвелины, ни подписи, которую мне пришлось бы повторять за ней. Лоран объяснил, что резиденция вправе задать предварительный

вопрос от своего имени и что ради этого нет нужды ждать окончания моей проверки. Потом попросил Летту поставить печать, а я дождалась, пока посыльный уберёт письмо в сумку и скроется за воротами.

Во дворе Брен ждал меня возле скамьи с узким свёртком, перевязанным бечёвкой. Я сперва сказала ему, что Гаспар узнал домашних и лекарь ушёл, и увидела, как у Брена опустились плечи. Он ничего не прибавил к сказанному ночью, только протянул свёрток и объяснил, что его привезли утренней почтой из поместья и отдали ему, узнав печать Вальденов.

Внутри лежала расходная книга, которую я сама оставила Марте, и короткое письмо. Поверенная свела оставшиеся деньги, ближайшие платежи и ожидаемые поступления, отметив отдельно те суммы, на которые можно было рассчитывать лишь после оформления наследства. Я открыла книгу на заложенной странице и сначала решила, что смотрю не в ту колонку, потому что остаток был слишком мал даже для привычной закупки муки и дров.

Мы с Бреном сели рядом, и он показал мне две строки, которые Марта обвела. Жалованье следовало выдать через девять дней, а чуть позже наступал срок платежа по старому долгу, о котором Теодор при мне почти не говорил. Вместе эти две суммы превышали всё, что можно было потратить сейчас, и я ещё даже не дошла до корма, припасов и ремонта крыши над кухней.

— Если отложить жалованье, у кого-нибудь дома не окажется еды, — сказала я, проводя ногтем по первой строке. — Если отложить платёж, придёт человек, которому всё равно, сколько мы успели сделать во флигеле. Марта спрашивает, чего мы хотим добиться отсрочкой, а я пока вижу только то, что отсрочка понадобится всем сразу.

Брен сказал, что можно узнать цену дальней полосы земли, и я записала это на полях, хотя рука сама остановилась, не дописав последнего слова. Именно с той полосы каждую осень привозили часть зерна, и продажа помогла бы заплатить за этот месяц, оставив следующий таким же пустым. Я вспомнила, как Теодор спрашивал, откуда возьмутся дрова для второго очага, и впервые услышала в его вопросе не только желание поговорить со мной подольше.

Из кухни вынесли корзину с тёплым хлебом для людей, которые с рассвета работали у конюшни, и Брен взял один ломоть, разломил его и подал мне половину. Я ела, глядя на цифры, и думала о том, сколько таких корзин нужно дому за неделю и кому придётся сказать, что следующей не будет. Письмо в лечебницу уже покинуло городские ворота, а мне предстояло выяснить, чем кормить людей в доме Теодора, пока я жду ответа.

Глава 3

На полях расходной книги я всё-таки дописала слово «продать», а потом закрыла его большим пальцем. Брен доел хлеб и терпеливо ждал, пока я перестану смотреть на страницу так, словно в ней от одного моего взгляда могли прибавиться деньги. Из конюшни позвали его по имени, но он только махнул рукой и остался сидеть рядом.

— Давай посчитаем, сколько нам даёт эта земля за год, — сказала я, переворачивая лист. — Если за неё предлагают столько, сколько она принесёт за двадцать лет, я ещё могу понять, зачем о ней говорить. Только я хочу знать, сколько она приносит на самом деле, а в книге вместо денег стоит какое-то сокращение возле каждой осенней записи.

Брен объяснил, что сокращение обозначало меру зерна, и отыскал в кармане огрызок карандаша. Мы пересчитали долю поместья за три последних урожая, учли плату возчику и прикинули, сколько ушло бы у нас на покупку того же зерна в городе. Наконец он сам подвинул книгу так, что слово на полях оказалось вверх ногами, и сказал, что продавать землю в спешке ему теперь нравится гораздо меньше.

Мне стало легче ровно до того места, где Марта перечислила расходы последних месяцев. Я знала, сколько дней Арден провёл в доме и сколько раз за ним посылали, но прежде эти дни помещались у меня в памяти между сменой белья, разведённым огнём и голосом Теодора. Здесь за ними шли жалованье, проценты и пошлины, причём одна из пошлин была внесена наутро после того, как Теодор уверил меня, что никакого нового письма из канцелярии не было.

— Он заплатил, чтобы тебе дали время, — сказал Брен, увидев, где я остановилась. — Я сам ездил с поручением и думал, что он потом тебе скажет. Если будешь теперь сердиться на него за каждую такую строчку, предупреди меня, чтобы я успел уйти поить лошадь.

Я рассмеялась, хотя ещё секунду назад мне казалось, что для смеха в моём теле больше нет места. Потом сказала, что сердиться буду, и попросила Брена остаться, пока я пишу Марте. Он вырвал из старой тетради чистый лист и подложил его под расходную книгу, чтобы перо не цеплялось за щель между досками скамьи.

Я попросила поверенную предложить кредитору отсрочку с первым небольшим взносом и выяснить, какое обеспечение тот согласится принять вместо продажи земли. Про жалованье написала отдельно: его следовало выплатить полностью, даже если ради этого придётся урезать закупки для дома и отложить работы во флигеле. Отправлять письмо пошёл Брен, а я осталась во дворе и до обеда ловила себя на желании побежать следом, выхватить лист и вписать хоть какой-нибудь способ заработать обещанные деньги.

Ответ Марта принесла сама на следующий день, когда приехала в город по делам поместья. Мы устроились в маленькой комнате у ворот, куда посетителей пускали без предварительной записи, если они готовы были сидеть на жёстких стульях и ждать, пока освободится стол. Марта положила на него три листа, сняла дорожные перчатки и, прежде чем поздороваться как следует, спросила, осталось ли у меня собственное жалованье.

— Осталось, но если просто вложить его в общий кошель, мы потратим всё за несколько дней, — ответила я, невольно потянувшись за её листами. — Скажи, сколько нужно именно к первому сроку. Я больше не могу смотреть на общую сумму и гадать, где в ней заканчивается ближайшая неделя.

Она показала мне письмо кредитора, который согласился пока оставить землю в покое при условии, что через месяц получит восемь серебряных монет. Жалованье можно было выдать из остатка, если не трогать его до расчёта, а затем в кассе почти ничего не оставалось. Марта велела мне считать восемь монет первым сроком и подчеркнула, что согласие кредитора держится на своевременном платеже, поэтому обещать ему больше на словах она не стала.

Я сообщила дежурному, что иду на рынок и вернусь до вечернего колокола. Брен хотел проводить меня, но я попросила его узнать, какие припасы можно привезти из поместья, чтобы за дорогу не вышло дороже самой покупки. У ворот он всё же сунул мне в ладонь медяк и велел на этот раз попробовать городской хлеб, прежде чем рассуждать, как его лучше печь.

На рынке я сперва купила у женщины возле водоразборной колонки маленькую лепёшку и села там, где было видно весь ряд. Утром грузчики брали еду, которую можно съесть по дороге, к полудню служанки приходили за хлебом к обеду, а после обеда люди в потёртых куртках спрашивали вчерашний товар подешевле. Я прождала до смены караула и поняла, что в здешних очередях есть свой распорядок, почти такой же точный, как звон колокола у резиденции.

Лепёшка пахла дымом, и с одной стороны у неё осталась сырая полоска теста. Я всё равно доела её, потому что женщина у колонки успела продать целую корзину, пока я жевала первый кусок, и мне хотелось понять, зачем за этой лепёшкой возвращаются. Оказалось, она подавала её горячей, заворачивала в бумагу и помнила, кому из покупателей нужно дать сдачу так, чтобы не пришлось снимать рукавицу.

— Если брать муку по мешку, мельник будет считать дороже, чем за три сразу, — сказала она, когда я дождалась передышки. — Но за три мешка придётся платить возчику, а если у тебя сырой подвал, последний ещё и выбросишь. Сначала узнай, где будешь хранить, иначе сэкономишь только в той тетрадке, которую держишь под мышкой.

Я спросила про дрова, выслушала ещё два совета и записала цену возле муки, оставив место для мелочей, о которых пока не догадалась. Женщина заглянула в мою тетрадь и спросила, собираюсь ли я торговать на улице или ищу крышу. Услышав, что мне нужна печь, она указала на дом за рядом плетёных корзин и сказала, что ключи от пустой пекарни держит хозяин переплётной мастерской по соседству.

Хозяина звали Савел, и, пока он искал ключ, я успела увидеть три книги, зажатые в деревянных тисках, и чашку с остывшим чаем. Он предупредил, что пекарня закрылась зимой, а предыдущий арендатор оставил прилавок в таком состоянии, что на него страшно поставить даже пустую миску. Я ответила, что пришла посмотреть прежде всего на печь, и он захлопнул ящик с ключами так решительно, словно этот ответ уже склонял его в мою пользу.

Внутри пахло сухой золой и старой мукой, а из кладовки тянуло холодом, как из погреба. Я провела пальцами по трещине на прилавке, проверила, куда открывается задняя дверь, и заглянула в печь. На заслонке остался широкий след от ладони, и мне неожиданно захотелось узнать, какой человек каждый день открывал её до меня и почему в последний раз оставил всё как есть.

— Печь тянет хорошо, я сам топил её после отъезда пекаря, — сказал Савел, заметив, что я присела возле поддувала. — Его жена заболела, и они уехали к сыну, так что тут нет никакой тайны, кроме испорченного прилавка. Мне нужен арендатор хотя бы на месяц, чтобы помещение опять не простояло до холодов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.